

Differentiation of criminal liability of accomplices in crime: on the issue of the quality of criminal law regulation (in the light of the research of Professor L. L. Kruglikov)

M. G. Gorenko¹

¹Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-3-432-441

Research article
Full text in Russian

The article discusses the problems of differentiation of criminal liability of accomplices in the context of the scientific heritage of Professor L. L. Kruglikov. The debatable issues concerning the levels, grounds, limits and means of differentiation of criminal liability of accomplices of a crime are investigated. The conclusion is substantiated that, from the point of view of the quality of criminal law regulation, such a model of differentiation of criminal responsibility can be considered adequate, which assumes, firstly, the differentiation of responsibility for crimes committed jointly and individually, and, secondly, the differentiation of responsibility between accomplices, taking into account the nature and degree of their participation in the commission of a crime.. It is proposed to consider its development by means of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation as a priority area for further improving the differentiation of criminal liability of accomplices in crime.

Keywords: complicity in a crime; types of accomplices; forms of complicity; types of complicity; group crime; differentiation of criminal responsibility

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gorenko, Maxim G. | E-mail: maxim_gko@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления: к вопросу о качестве уголовно-правового регулирования (в свете исследований профессора Л. Л. Кругликова)

М. Г. Горенко¹

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-3-432-441

Научная статья

УДК 343.2/.7

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются проблемные аспекты дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления в контексте научного наследия профессора Л. Л. Кругликова. Исследуются дискуссионные вопросы, касающиеся уровней, оснований, пределов и средств дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления. Обосновывается вывод о том, что с позиции качества уголовно-правового регулирования адекватной может быть признана такая модель дифференциации уголовной ответственности, которая предполагает, во-первых, разграничение ответственности за преступления, совершенные совместно и единолично, и, во-вторых, разграничение ответственности между соучастниками с учетом характера и степени их участия в совершении преступления. В качестве приоритетного направления дальнейшего совершенствования дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления предлагается рассматривать ее развитие именно средствами Общей части УК РФ.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; виды соучастников; формы соучастия; виды соучастия; групповое преступление; дифференциация уголовной ответственности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горенко, Максим	Е-mail: maxim_gko@mail.ru
Геннадьевич	Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А. А. Хмырова

Вопросы дифференциации уголовной ответственности по-прежнему относятся к числу наиболее сложных и дискуссионных в доктрине уголовного права. Научный интерес к данной проблематике, активизировавшийся в конце прошлого столетия, не утратил своей актуальности и в настоящее

время, что обусловлено как развитием теории, так и потребностями право-применительной практики. Значительный вклад в формирование и развитие учения о дифференциации уголовной ответственности внес выдающийся ученый, представитель ярославской уголовно-правовой школы профессор Лев Леонидович Кругликов. В его исследованиях получили всестороннее освещение как общие вопросы дифференциации уголовной ответственности (понятие данного явления, ее средства и уровни), так и особенности отдельных ее видов и типов. Особое место в научном наследии профессора Л.Л. Кругликова занимает проблематика дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления.

Л. Л. Кругликов, а вслед за ним и многие другие авторы, последовательно указывал на то, что участие в умышленном преступлении нескольких лиц повышает степень его общественной опасности, что, в свою очередь, обуславливает необходимость более строгой уголовно-правовой реакции на такие деяния, нежели на совершаемые единолично [1, с. 118]. Вместе с тем ученый подчеркивал, что определение меры уголовной ответственности каждого соучастника, равно как и выбор критериев ее дифференциации в уголовном законе, представляет собой одну из наиболее сложных проблем учения о соучастии [1, с. 118]. Во многом это обусловлено тем, что фундаментальные положения учения о соучастии, включая вопросы его понятия и признаков, продолжают оставаться предметом научных дискуссий.

Проблема дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления была поставлена еще на заре формирования уголовно-правового учения о соучастии и сохраняет свою актуальность в настоящее время. По существу, она сводится к вопросам о том, какая мера уголовной ответственности должна быть определена для каждого лица, участвовавшего в совершении преступления, должна ли мера этой ответственности быть одинаковой для всех соучастников либо различаться и по каким критериям такие различия должны устанавливаться законодателем и учитываться при назначении наказания. Историческое развитие уголовного права свидетельствует о том, что к решению указанных вопросов предлагались различные подходы, в силу чего в доктрине на протяжении длительного времени «конкурировали» между собой акцессорная теория и теория самостоятельной ответственности соучастников преступления.

В рамках традиционного понимания соучастие в преступлении рассматривалось как форма совместного причинения вреда, предполагающая общность вины соучастников и, как следствие, единства уголовной ответственности. В дореволюционной уголовно-правовой доктрине исходили из того, что при совершении преступления несколькими лицами каждому из них вменяется деяние в целом, независимо от степени его участия в достижении преступного результата [2, с. 5], что исключало возможность деления внешней стороны преступления между соучастниками и, по выражению Н. С. Таганцева, означало, что «все они подходят под один и тот же уголовный закон» [3, с. 869]. Такой подход исключал дифференциацию уголовной

ответственности соучастников и фактически переносил решение соответствующих вопросов на уровень судейского усмотрения.

Однако подобная постановка проблемы не в полной мере соответствовала реальному характеру соучастия в преступлении, и ни одна из разработанных в науке теорий соучастия не могла быть безоговорочно принята в качестве адекватной теоретической модели. Современная доктрина уголовного права, воспринявшая и переосмыслившая отдельные положения различных теоретических подходов, исходит из признания неодинакового вклада соучастников в достижение преступного результата, а также различий в характере их субъективной связи, что объективно предопределяет необходимость дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления.

В этом контексте заслуживает внимания позиция Л. Л. Кругликова, который, анализируя дискуссию о субъективных признаках соучастия, указывал на неоднородность субъективной связи между соучастниками в зависимости от формы соучастия. Так, при соучастии в форме группы лиц обязательным является наличие двусторонней субъективной связи, тогда как при сложном соучастии она может носить и односторонний характер [4, с. 29]. В конечном счете субъективные признаки соучастия не могут быть сведены к наличию «общности вины», по крайней мере, применительно к его сложным формам. Указанное обстоятельство имеет принципиальное значение и для дифференциации уголовной ответственности, так как, если следовать принципу вины (ст. 5 УК РФ), каждый из соучастников должен отвечать только за собственные виновные действия, а значит, возвращаясь к вопросу о предпосылках дифференциации их ответственности, таковая уже не может быть единой.

В доктрине и уголовном законе предусмотрены и иные факторы, отражающие различия в общественной опасности разных форм и видов соучастия, которые могли бы рассматриваться в качестве оснований дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления. К числу таковых, в частности, относятся характер и степень фактического участия лица в совершении преступления, что прямо вытекает из положений ч. 1 ст. 34 УК РФ, форма соучастия, а также уровень организованности и согласованности преступной деятельности. Указанные обстоятельства свидетельствуют о различной интенсивности участия в достижении преступного результата и, следовательно, об объективной необходимости их учета при установлении меры ответственности.

Признание неоднородности оснований дифференциации ответственности соучастников преступления позволяет поставить вопрос не только об их содержании, но и об уровнях реализации ее дифференциации в уголовном праве. Представляется, что решение соответствующих вопросов должно осуществляться, как минимум, на двух уровнях.

Во-первых, законодатель, исходя из повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых в соучастии, должен обеспечить дифференциацию уголовной ответственности за преступление, совершенное со-

вместно, по сравнению с деянием, совершенным единолично, посредством установления более строгих пределов наказуемости.

Во-вторых, дифференциация уголовной ответственности должна осуществляться и «внутри» самого института соучастия, то есть между соучастниками с учетом характера и степени их участия в совершении преступления. Лишь такая многоуровневая модель дифференциации уголовной ответственности соучастников может быть признана достаточной с точки зрения качества уголовно-правового регулирования.

Тем не менее законодатель, на что также обращал внимание Л. Л. Кругликов, отказался от закрепления в уголовном законе модели кратного усиления уголовной ответственности в зависимости от форм и видов соучастия и даже не продекларировал повышенную опасность преступления, совершенного в соучастии, в посвященной ему гл. 7 УК РФ [1, с. 118]. Вместе с тем анализ положений как Общей, так и Особенной части УК РФ позволяет констатировать, что дифференциация уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии, все же осуществляется, однако носит опосредованный и несистемный характер. Так, во-первых, совершение преступления в составе преступной группы признается обстоятельством, отягчающим наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Во-вторых, для ряда преступлений соответствующий признак получает значение квалифицирующего, что влечет иные уголовно-правовые последствия (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ и др.).

В этой связи можно отметить, что законодатель последовательно связывает совершение преступления «групповым способом» с повышенной степенью общественной опасности совместно совершенного деяния. Подобный подход представляется обоснованным, поскольку в условиях группового совершения преступления возрастает как вероятность причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, так и интенсивность такого вреда, поэтому с точки зрения критериев дифференциации уголовной ответственности вполне закономерным является включение различных форм группового совершения преступления в качестве квалифицирующих признаков преступлений и формулирование с учетом этого более строгих санкций [5, с. 5]. Вместе с тем анализ уголовного закона свидетельствует о том, что данный процесс осуществляется законодателем не всегда последовательно.

Используя обстоятельство совершения преступления в составе группы лиц различной степени организованности в качестве квалифицирующего признака, законодатель в одних случаях придает им равноценное значение, объединяя различные формы соучастия в рамках одного квалифицирующего признака (например, п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ), в других – осуществляет дополнительную дифференциацию, конструируя для каждой формы соучастия самостоятельный квалифицирующий признак, как это имеет место, например, в п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ, либо вовсе не учитывает данные обстоятельства в отдельных уголовно-правовых нормах.

Указанная проблема не является новой для науки уголовного права. В научной литературе неоднократно подчеркивалась непоследовательность законодательного подхода к оценке общественной опасности различных форм совместной преступной деятельности. В частности, обоснованно указывается на недопустимость приравнивания различных форм группового совершения преступления при конструировании квалифицированных составов преступлений, в том числе группы лиц и организованной группы, поскольку степень их общественной опасности существенно различается [6, с. 136].

В изложенном отчетливо проявляется проблема уровней дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления. С одной стороны, законодатель в целом разграничивает преступления, совершенные в рамках разных форм соучастия, и преступления, совершенные единолично, используя при этом различные средства дифференциации. С другой стороны, уголовная ответственность за совершение групповых преступлений в зависимости от формы соучастия дифференцируется фрагментарно и непоследовательно.

Не вызывает сомнений, что групповое совершение преступления объективно связано с повышением степени общественной опасности содеянного. Вместе с тем учет данного обстоятельства в уголовном законе должен осуществляться, во-первых, системно, а во-вторых, с учетом различий в степени общественной опасности самих форм соучастия. При этом совершение преступления группой лиц следует рассматривать как наименее опасную разновидность группового преступления, тогда как совершение преступления организованной группой или преступным сообществом – как обладающее наибольшей степенью общественной опасности.

В то же время проведение адекватной дифференциации уголовной ответственности невозможно без предварительного обеспечения концептуального единства в понимании самого явления групповой преступной деятельности. Прежде чем осуществлять дифференциацию уголовной ответственности, необходимо, как верно выразился Л. Л. Кругликов, «обеспечить единство в исходном» [7, с. 12]. В данном случае это предполагает разрешение фундаментальных вопросов, связанных с сущностью группового преступления, в том числе выработку единой терминологии (в частности, Л. Л. Кругликовым предложено введение родового понятия «преступная группа»), корректное определение его родовых признаков и их увязку с институтом соучастия, а также формирование общего набора признаков, характеризующих любое групповое преступление независимо от конкретной формы соучастия [7, с. 12].

Если повышенная общественная опасность группового совершения преступления нашла в уголовном законе хотя бы определенное отражение, пусть и реализованное непоследовательно и фрагментарно, то в отношении сложного соучастия или соучастия с распределением ролей подобного подхода законодатель не продемонстрировал. Несмотря на то что участие организаторов, подстрекателей и пособников объективно влияет на механизм

преступного поведения и может существенно облегчать либо обуславливать достижение преступного результата, законодатель не рассматривает сам факт сложного соучастия в качестве самостоятельного основания для усиления уголовно-правовой репрессии, закрепив лишь в качестве общего ориентира положение о том, что ответственность соучастников определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления (ч. 1 ст. 34 УК РФ), значением этого участия для достижения цели преступления, его влиянием на характер и размер причиненного или возможного вреда (ч. 1 ст. 67 УК РФ).

Одним из немногих случаев прямого нормативного учета повышенной опасности видов соучастников можно считать указание на особо активную роль в совершении преступления в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Однако в данном случае речь идет скорее об индивидуализации уголовной ответственности, нежели о ее дифференциации, что, впрочем, по мнению Л. Л. Кругликова, не является недостатком уголовно-правового регулирования. Признав характер и степень фактического участия основанием дифференциации ответственности, законодатель объективно исходит из того, что указанные признаки подлежат установлению в каждом конкретном случае, в связи с чем использование всех средств дифференциации, включая закрепление специальных санкционных пределов, оказывается здесь затруднительным либо нецелесообразным [1, с. 120].

Тем не менее в доктрине уголовного права, начиная еще с работ представителей классической школы, предпринимались попытки дифференциации уголовной ответственности соучастников на основе различных «абсолютных» критериев. Так, И. Я. Фойницкий предлагал связывать пределы уголовной ответственности подстрекателя с фактом наступления преступного результата, который, по его мнению, должен был выступать своеобразным ограничителем ответственности данного вида соучастника [2, с. 23]. В более поздних научных дискуссиях нередко высказывалось предложение об установлении для соучастников абсолютно определенных санкций с учетом ранжирования их видов по степени общественной опасности, при котором организатор преступления, как правило, рассматривался в качестве наиболее опасной фигуры [8, с. 33]. Однако подобные подходы на протяжении длительного времени не получили однозначной поддержки, прежде всего в силу отсутствия ясных и универсальных критериев определения степени общественной опасности личности соучастника, исходя исключительно из выполняемой им функциональной роли в преступлении. Анализ возможных вариантов совместной преступной деятельности позволяет констатировать, что в ряде случаев решающее значение для достижения преступного результата может иметь, скажем, деятельность пособника, тогда как роль организатора будет носить формальный либо вторичный характер.

С учетом сказанного можно заключить, что попытки осуществления дифференциации ответственности соучастников преступления на основе жесткого функционального ранжирования оказываются несостоятель-

ными, в связи с чем отказ законодателя от подобного пути представляется обоснованным. По-видимому, при этом преследуется цель обеспечить такое качество уголовно-правового регулирования, которое соответствовало бы принципам законности и справедливости. Как отмечалось ранее, характер и степень фактического участия лица в совершении преступления выступают подвижными и вариативными величинами, определяемыми применительно к конкретной ситуации, что делает их плохо совместимыми с жесткими законодательными рамками дифференциации ответственности. Отсутствие единства подходов к содержанию понятий «характер» и «степень» участия и их нормативной определенности создает дополнительную сложность, в связи с чем справедливо возникает вопрос о допустимости и пределах дифференциации ответственности соучастников в условиях отсутствия согласованности в исходных теоретических и нормативных предпосылках. В данном контексте представляется оправданным обращение к позиции Л. Л. Кругликова о необходимости предварительного «обеспечения единства в исходном» как условия последовательной и внутренне непротиворечивой дифференциации уголовной ответственности.

Сложное соучастие само по себе не рассматривается уголовным законом в качестве основания для повышения ответственности участвующих в преступлении лиц. Вместе с тем представляется, что законодатель все же признает влияние распределения ролей в совместном совершении преступления на характер и степень общественной опасности соответствующей деятельности. На это указывает сформировавшийся в уголовном праве институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (см., например, ст. ст. 205¹, 205⁴, 210, 281¹, 282¹, 282² УК РФ и др.). Посредством конструирования самостоятельных составов преступлений законодатель реализует возможность учета повышенной общественной опасности отдельных форм «соучастниковской» деятельности, устанавливая иные пределы наказуемости с учетом выполняемой лицом функции в механизме преступного поведения.

Вопрос о том, в какой мере данный институт может рассматриваться как средство дифференциации уголовной ответственности соучастников, а также о принципах, пределах и целесообразности такого способа усиления уголовно-правовой репрессии, требует специального теоретического осмысления. Вместе с тем представляется, что конструирование специальных составов, отражающих повышенную общественную опасность отдельных форм организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности, может рассматриваться как перспективный инструмент дифференциации ответственности соучастников преступления, нуждающийся в дальнейшем научном обосновании и нормативной систематизации.

В этой связи представляется также, что законодателю вовсе не обязательно прибегать к «жесткой» дифференциации ответственности соучастников преступления, например, посредством установления фиксированных пропорций наказания (по типу определения доли ответственности подстрекателя или пособника по отношению к исполнителю). Подобные подходы,

основанные на формализованном исчислении «долей» ответственности, характерны, в частности, для регулирования ответственности за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ).

Дифференциация ответственности соучастников преступления может осуществляться и посредством более гибких средств, причем не только в рамках Особенной, но и Общей части УК РФ. В этом смысле заслуживает внимания идея совершенствования нормативной регламентации ответственности соучастников именно на уровне Общей части УК РФ. Ряд соответствующих предложений был сформулирован Л. Л. Кругликовым. В частности, им обосновывалась целесообразность закрепления в уголовном законе положения о том, что иные соучастники преступления, по крайней мере подстрекатель и пособник, не могут нести более строгую уголовную ответственность, чем исполнитель, при отсутствии обстоятельств, существенно повышающих степень общественной опасности их личности. Кроме того, высказывалась идея введения законодательного запрета на назначение таким соучастникам максимальной меры наказания [1, с. 120].

Подводя итог изложенному, следует отметить, что дифференциация ответственности соучастников преступления представляет собой одну из наиболее сложных и многоплановых проблем уголовно-правового регулирования. Неодинаковый вклад соучастников в достижение преступного результата, различия в характере их субъективных связей, многообразие форм соучастия и иные факторы объективно предопределяют необходимость дифференцированного подхода к ответственности, однако возможности ее нормативного закрепления, как показало проведенное исследование, оказываются ограниченными.

Анализ действующего уголовного закона свидетельствует о том, что законодатель фрагментарно и непоследовательно учитывает повышенную общественную опасность совместной преступной деятельности по сравнению с совершением преступления единолично, в большей степени связывая ее с групповыми формами соучастия и в меньшей — с распределением ролей между соучастниками. Он отказался от прямого нормативного декларирования повышенной общественной опасности совместного совершения преступления, предпочитая вместо этого точечные уголовно-правовые решения, которые в своей совокупности образуют основу дифференциации ответственности соучастников преступления.

На современном этапе такая дифференциация осуществляется средствами как Общей, так и Особенной части УК РФ. В рамках Общей части УК РФ она реализуется через нормы, определяющие факторы, подлежащие учету при установлении ответственности соучастников преступления (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 67 УК РФ), а также через институт обстоятельств, отягчающих наказание (п. «в», «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В Особенной части УК РФ соответствующая дифференциация осуществляется посредством закрепления квалифицирующих признаков, указывающих на совершение преступления в составе преступной группы различной степени организованности, а так-

же регламентации специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности.

В качестве приоритетного направления дальнейшего совершенствования дифференциации ответственности соучастников преступления, по нашему мнению, следует рассматривать ее развитие именно средствами Общей части УК РФ, позволяющими учитывать многообразие форм и условий совместной преступной деятельности без чрезмерной формализации уголовно-правового регулирования. В этом контексте особую ценность сохраняют научные подходы, предложенные Л. Л. Кругликовым, ориентированные на обеспечение качества уголовно-правового регулирования за счет сочетания общих законодательных ориентиров ответственности соучастников и механизмов индивидуализации наказания. Такой подход позволяет избежать формализации дифференциации уголовной ответственности и в наибольшей степени соответствует принципам вины, справедливости и законности, лежащим в основе современного уголовного права.

Ссылки

1. Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. 300 с. EDN UREDZF
2. Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. 1891. Т. 7, кн. 1. С. 3-28.
3. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 2. СПб., 1888. 974 с.
4. Кругликов Л. Л. Объективные и субъективные признаки соучастия // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 26-31. EDN KVWDQH
5. Кругликов Л. Л. Исполнение преступления совместно с несовершеннолетними: вопросы квалификации // Пенитенциарная наука. 2011. № 15. С. 4-8. EDN OFADBB
6. Куфелкина И. Ю. Формы соучастия в преступлении как критерий дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2023. Т. 1, № 2. С. 135-140. DOI 10.51965/2076-7919_2023_1_2_135
7. Кругликов Л. Л., Тимченко А. Н. Признаки группы лиц в уголовном праве: законодательные и правоприменительные аспекты // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2022. № 11. С. 4-13. EDN DQNTMP
8. Кругликов Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000-2009 гг.). Ярославль, 2010. 590 с. EDN QRVLYP